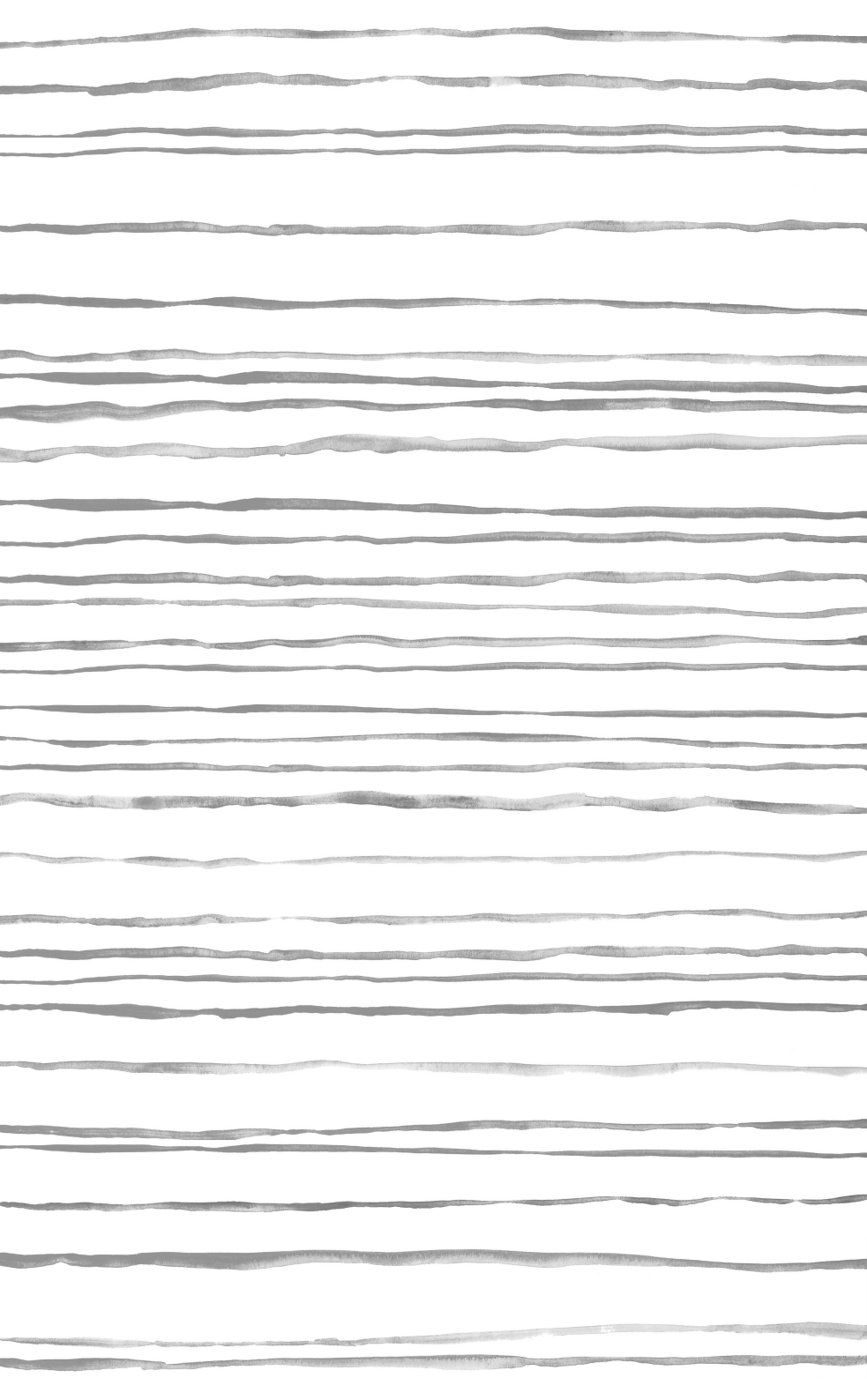

**Во имя любви
и всей сердечной боли,
что наполняет ее такой горечью.**

**Во имя любви
и каждого сердцебиения,
что делает ее такой сладкой.**

ЛЮСИ

2015

Пять лет назад, незадолго до своей смерти, мама оставила три подарка для нас с сестрами. На крыльце моей сестры Мари появилось деревянное кресло-качалка. Она получила это кресло потому, что маму всегда беспокоила ее тревожность. Мари была средним ребенком и постоянно чувствовала себя так, словно она что-то упускает. Из-за этого она проводила большую часть жизни в каком-то странном трансе. «Девочка моя, если ты не перестанешь заикливаться на всем подряд, у тебя голова взорвется», — говорила ей мама. Кресло-качалка напоминало Мари о том, что стоит рас-

слабиться и насладиться жизнью, вместо того чтобы позволить ей пролететь мимо.

Наша старшая сестра Лирика получила маленькую музыкальную шкатулку с танцующей балериной. Когда мы были детьми, Лирика мечтала стать танцовщицей, но с годами забросила эту идею. Всю свою жизнь мама оставалась маленькой дикаркой, и, глядя на нее, Лирика начала презирать саму идею карьеры, построенной на любимом занятии. Мама занималась только тем, что ей нравилось, и мы никогда не знали, будет ли у нас еда к завтрашнему ужину. Когда срок аренды жилья подходил к концу, мы собирали вещи, готовясь к следующему приключению.

Мама с Лирикой постоянно ругались. Мне всегда казалось, что моя старшая сестра чувствовала ответственность за всю семью, и ей приходилось играть роль родителя для собственной матери. Мы с Мари были молоды и свободны. Нам нравились приключения, но Лирика их ненавидела. Ее свобода превратилась в запертую клетку. Как только подвернулась подходящая возможность, Лирика покинула нас, чтобы стать важным адвокатом. Я так и не узнала, что случилось с музыкальной шкатулкой, но я надеялась, что Лирика ее сохранила. *«Никогда не*

прекращай танцевать, Лирика, — говорила ей мама. — Никогда не прекращай танцевать».

Моим подарком стало мамино сердце.

Это был маленький камушек в форме сердца, который она носила на шее с подросткового возраста, и для меня было большой честью его получить. «Это сердце нашей семьи», — сказала она мне. «От одной дикарки — к другой. Никогда не забывай, что любить нужно всем сердцем, Люсиль. Я хочу, чтобы ты объединяла эту семью и всегда поддерживала своих сестер в трудные времена. Ты станешь их силой. Я уверена, что так и будет, ведь ты всегда проявляла свою любовь так громко и открыто. Даже самая темная душа найдет свет в твоей улыбке. Ты защитишь эту семью, Люси. Я верю в тебя и поэтому не боюсь прощаться».

С тех пор я никогда не снимала ее кулон. С тех пор как мама умерла, прошли годы, но в тот летний вечер я крепко сжимала камушек в виде сердца в своей ладони, глядя на кресло-качалку сестры. Смерть мамы потрясла Мари до глубины души, и все уроки о духовности и свободе стали казаться жестокой ложью.

— Она была слишком молода, — сказала Мари в тот вечер. Моя сестра верила, что у нас в запасе еще целая вечность. — Это нечестно.

Мне было всего восемнадцать лет, а Мари — двадцать. Тогда нам казалось, что у нас украли солнце, и мы не знали, как двигаться дальше в полной темноте.

— *Мактуб*, — прошептала я, прижимая ее к себе. Это слово было вытатуировано на наших запястьях. Оно означало «так предначертано». У каждого события в жизни есть своя причина, и все происходит так, как должно, даже если это приносит нам боль. Иногда любовь длится вечность, а иногда вспыхивает лишь на мгновение. Мари забыла, что любовь между матерью и дочерью никогда не исчезнет, сколько бы времени ни прошло.

Смерть не могла разрушить эту любовь, но после маминых похорон Мари позабыла о своей свободолобивой натуре, встретила парня и осела в городке Уоватосе в Висконсине. И все ради любви.

Любовь.

Чувство, которое заставляет взлетать и падать. Чувство, которое зажигает людей и сжигает их сердца. Начало и конец каждого путешествия.

Переезжая к Мари и ее мужу Паркеру, я знала, что это ненадолго, но я была совершенно сбита с толку, когда застала его возле дома тем августов-

ским вечером. В летнем воздухе веяло осенним холодком, притаившимся в тенях. Паркер не слышал, как я подошла: он был слишком занят, забрасывая свои сумки в багажник серого седана.

В его плотно стиснутых губах были зажаты две зубочистки, темно-голубой дизайнерский пиджак плотно прилегал к его телу, а из нагрудного кармана торчал сложенный носовой платок. Я была уверена, что когда-нибудь Паркера похоронят со всеми его носовыми платками, как фараона. Он был ими просто одержим, так же как и носками. Я никогда не видела, чтобы человек постоянно отглаживал свои носки и платки, пока не встретила Паркера Ли. Он говорил, что это абсолютно нормально, но, похоже, его определение нормальности отличалось от моего.

Например, я считала обычной практикой есть пиццу пять дней в неделю, в то время как Паркер видел в таком питании лишь ненужные углеводы. Мне стоило бы обратить на это внимание еще в самом начале нашего знакомства. Все в его поведении и внешнем виде говорило о том, что мы не подружимся. Встреча с человеком, который не любил пиццу и с презрением смотрел на пижаму в воскресный вечер, явно не была предначертана мне судьбой.

Он наклонился к багажнику и начал перекидывать чемоданы, чтобы освободить немного места.

— Что ты делаешь? — спросила я.

Звук моего голоса застал его врасплох, и он подпрыгнул на несколько дюймов, ударившись головой о крышку багажника.

— Черт! — Паркер выпрямился и потер затылок. — Господи, Люси. Я тебя не заметил, — он запустил пальцы в свои пепельно-русые волосы, а затем спрятал руки в карманы брюк. — Я думал, ты на работе.

— Отец мальчишек рано вернулся домой, — сказала я, имея в виду свою работу няни, и уставилась на багажник его машины. — У тебя что, рабочая конференция? Мог бы мне позвонить, и я бы вернулась к...

— Значит, ты не получишь оплату за сегодняшний день? — перебил он, очевидно не дождав-шись ответа на мой вопрос. — И как ты собираешься помогать со счетами? Почему ты не взяла больше смен в кафе? — Под палящим летним солнцем по его лбу стекали капли пота.

— Я уволилась из кафе несколько недель назад, Паркер. Там слишком мало платили. К тому же я подумала, что, раз ты работаешь, я бы могла больше помогать здесь.

— Во имя всего святого, Люси. Это так на тебя похоже. Как можно быть такой безответственной? Особенно учитывая сложившуюся ситуацию. — Он начал раздраженно расхаживать из стороны в сторону, не прекращая ныть себе под нос. С каждой секундой его поведение смущало меня все больше и больше.

— О какой именно ситуации ты говоришь? — я сделала шаг к нему. — Куда ты собрался, Паркер?

Он замер и посмотрел на меня тяжелым взглядом. Что-то в нем изменилось. Его злость сменилась плохо скрываемым раскаянием.

— Мне очень жаль.

— Жаль? — у меня перехватило дыхание. — Почему?

Я не знала почему, но все в моей груди сжалось под напором нахлынувших эмоций. Уже тогда я чувствовала, что его ответ не принесет ничего хорошего. Мое сердце было готово разбиться.

— Я больше не могу, Люси. Я просто не могу.

От того, как эти слова обожгли его губы, у меня по коже побежали мурашки.

В голосе Паркера слышалось сожаление, но сумки в его машине говорили о том, что, даже несмотря на угрызения совести, он не отсту-

пится от своего решения. В своих мыслях он был уже далеко отсюда.

— Ей становится лучше, — сказала я дрожащим от волнения голосом.

— Это слишком тяжело. Я не могу... она... — Он вздохнул и прижал ладонь к виску. — Я не могу остаться и смотреть, как она умирает.

— Тогда останься, чтобы увидеть, как она выживет.

— Я не могу спать. Я не ел несколько дней. Мой босс пристально следит за моей работой, потому что отстаю от коллег, и я не могу потерять эту должность, особенно учитывая медицинские расходы. Я упорно трудился, чтобы получить все, что у меня есть, и я не хочу это потерять. Я больше не могу жертвовать своей жизнью. Я устал, Люси.

Я устал, Люси.

Как он посмел произнести эти слова? Как он посмел утверждать, что устал, как будто это он ведет самую тяжелую битву в своей жизни?

— Мы все устали, Паркер. Мы все через это проходим. Я переехала к вам, чтобы присматривать за ней, чтобы облегчить твою ношу, а теперь ты просто сдаешься? Хочешь бросить ее и разрушить ваш брак?

Он ничего не ответил. В моем сердце что-то надломилось.

— Она знает? Ты сказал ей, что уходишь?

— Нет. — Он смущенно покачал головой. — Она не знает. Я решил, что так будет легче. Не хочу, чтобы она волновалась.

Я фыркнула, пораженная не только этой возмутительной ложью, но и его верой в собственные слова.

— Прости. Я оставил немного денег в прихожей. Я буду звонить, чтобы узнать о ее самочувствии. Я даже буду отправлять вам деньги, если понадобится.

— Мне не нужны твои деньги, — холодно отрезала я, игнорируя его жалостливое выражение. — Нам ничего от тебя не нужно.

Он открыл было рот, чтобы заговорить, но быстро закрыл его, не в силах произнести ни одной фразы, которая могла бы хоть как-то облегчить ситуацию. Я следила за каждым его шагом, пока он не добрался до водительской двери, и в этот момент я позвала его по имени. Он не повернулся ко мне, но я знала, что он напряженно ждет моих следующих слов.

— Если сейчас ты уйдешь от моей сестры, то больше никогда не сможешь вернуться. Ты не сможешь позвонить ей, когда напишешь-